

Возобновление роста российской экономики: декларации, реальность, перспективы Ситуационный анализ

30 марта 2017 г. состоялось третье заседание Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН, посвященное теме «Возобновление роста российской экономики: декларации, реальность, перспективы».

В ситуационном анализе приняли участие: д.полит.н. Д.В. Ефременко, д.полит.н. Ю.Г. Коргунюк, д.э.н. С.Н. Смирнов, к.соц.н. А.М. Понамарева, к.соц.н. А.Ю. Долгов, д.э.н. Н.А. Макашева, О.Н. Пряжникова, к.филос.н. Е.В. Якимова, к. геогр.н. М.А. Положихина. Приглашенный участник – заведующий Отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН д.э.н. Я.М. Миркин. Модератор дискуссии – заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН, д.полит.н. Д.В. Ефременко.

Поводом для анализа стали имеющиеся, как минимум, полугодовую историю, заявления представителей российской управленческой элиты о завершении в стране экономической рецессии и возобновлении экономического роста. Однако даже официальными статистическими данными такой вывод далеко не всегда подтверждается. Каковы реальные, а не декларируемые перспективы российской экономики, каково возможное их влияние на политическую стабильность и электоральные процессы в стране – в этом пытались разобраться участники ситуационного анализа.

Фундаментальным фактором, который привел к кризису в экономике России в 2014 г. был внешний фактор – резкое укрепление доллара, обусловленное политикой Федеральной резервной системы, и кратное снижение цен на нефть. Внутренним фактором стала низкая норма инвестиций, порядка 22% внутреннего валового продукта (ВВП) – при таком показателе экономики не растут.

В настоящее время российская экономика находится в зоне неопределенности и высоких рисков. Очевидно сохранение ее зависимости от мировых цен на сырье, отличающихся высокой волатильностью, от спроса на российское сырье мировых рынков, от курса доллара и от направлений потоков иностранного капитала. Расчеты показывают, что российская экономика будет находиться в тренде укрепления доллара и низких цен на сырье вплоть до 2018-2019 гг.

Добыча и экспорт сырья в стране остаются на прежнем уровне, что является одним из ключевых факторов стабилизации российской экономики. Однако в перспективе следует считаться с желанием Европейского Союза при активной поддержке США снизить энергетическую зависимость от России, что повлечет снижение спроса на российское сырье. Переключение энергетических потоков на Восток потребует многомиллиардных затрат. Кроме того, декларируемый курс США на энергонезависимость и экспорт энергоресурсов окажет жесткое понижающее давление на цены на сырье.

Неустойчивость российской экономики связана прежде всего со сверхконцентрацией собственности и нарастающим огосударствлением реального сектора, составляющим в настоящее время 70-80%. Кроме того, сверхвысока территориальная концентрация финансовых ресурсов: в Москве в настоящее время находится более $\frac{3}{4}$ средств коммерческих банков по сравнению, например, с немногим более, чем 60% в начале 2000-х гг. Последствия принятия ошибочных экономических решений для такой «сверхконцентрированной» системы особенно неблагоприятны.

Финансовая система России (менее 1% мировой) несоизмерима ее ВВП (около 3% мирового) и не удовлетворяет потребности в инвестициях, кредитовании и т.п. Фактически за прошедшие четверть века в стране произошла деиндустриализация, и российская экономика в настоящее время функционирует по модели обмена сырья на новейшее оборудование и потребительские товары. Зависимость страны от импортных

поставок оборудования составляет 80-100%, электроники – 85-90%. Схожая ситуация и с тем, что мы потребляем, например, по одежде.

При поиске путей выхода из кризиса ставка экономических властей была сделана не на апробированное мировой практикой в схожих ситуациях стимулирование спроса, что позволяет удерживать производство. Наоборот, экономические решения были направлены в противоположную сторону. В отличие от 2008-2009 гг., Центральный банк России провел не постепенную, но быструю и глубокую девальвацию переоцененного рубля, резко повысил ключевую ставку, чем еще больше снизил доступность кредита, оправдывая свои действия необходимостью сдерживания инфляции. Инвестиционный кризис и сокращение производства привели к кризису доходов населения.

Тем не менее российская экономика удержалась на плаву, но скорее не благодаря действиям экономических властей, а тем факторам, которые не были связаны с принимавшимися решениями. Во-первых, был удержан спрос на сырье, а, следовательно, и его добыча. Основная конструкция экономики: сырье против продукции с высокой добавленной стоимостью – сохранилась. Сохранились положительные, хотя и уменьшившееся сальдо торгового баланса и текущего счета платежного баланса. Во-вторых, часть экономики ушла в тень. Это стандартный способ выживания малого и среднего бизнеса в регионах, которые всегда были недокормлены и недофинансированы. В-третьих, ряду отраслей, прежде всего, экспортоориентированным, девальвация рубля, несмотря на свой разрушительный в целом характер, помогла. Она помогла сырьевым отраслям при падении цен на сырье удержать рублевую выручку и получить прибыль. В-четвертых, в российской экономике возникли две точки сверхбыстрого роста, что можно определить как «экономическое чудо».

Первая точка роста – это аграрный сектор, в котором условия роста стали нормальными. Кредитные ресурсы стали доступными за счет низкой ставки (5-6%), которая обеспечивалась за счет процентных субсидий. Увеличилось производство зерна, свинины, мяса птицы. Благодаря девальвации рубля российский аграрный сектор стал экспортировать свою продукцию. Однако при этом нынешняя политика в отношении сельского хозяйства не является образцовой моделью. Кредит под нормальный процент, позволяющий развивать производство, можно получить, только обратившись к государству. Поэтому такую политику можно назвать образцовой только для абсолютно искаженной экономической среды и неприемлемой – для здоровой.

Вторая точка роста – военно-промышленный комплекс, получивший мощный импульс благодаря объемной программе перевооружения. Однако, как и в аграрном секторе, такую траекторию развития можно охарактеризовать как созданную искусственно и существующую благодаря процентным субсидиям, привилегированному финансированию и т.п.

В конечном счете нынешнее состояние российской экономики – это колебания около нулевого роста / нулевого падения, когда любой шок, который может возникнуть внутри или вовне экономической системы может вызвать цепную реакцию системного риска. Выход из создавшейся ситуации возможен через формирование идеологии, направленной на стимулирование роста через переход к началам прагматичного либерализма, высвобождение среднего класса, среднего и малого бизнеса, рефинансирование регионов и их «точек роста», резкое снижение регулятивной нагрузки и нормализацию финансовой системы.

В принципе российская экономика может находиться в положении «около нуля» очень долго, причем в Москве это будет ощущаться в существенно меньшей степени, чем в абсолютном большинстве регионов, за исключением Санкт-Петербурга и нефтегазодобывающих территорий.

Вместе с тем имеются риски дестабилизации этой принципиально неустойчивой системы. Они могут быть внешними и внутренними. Дело в том, что в стране в очередной

раз запущен классический механизм подготовки финансового кризиса. Уже не раз после длительного удержания стабильности рубля следовала его взрывная девальвация. Стабильный рубль при высоких процентных ставках запускает механизм так называемого кэрри-трейда, когда инвесторы выходят из валюты в рубль, вкладывают полученное под очень высокий процент доходности и возвращают эти деньги обратно в валюту, заработав уникально высокую прибыль. Важно, что это делается на очень коротких операциях. А доля нерезидентов на рынке государственных облигаций – 28%, на взрывоопасном рынке деривативов – не менее 20%, в валютных небиржевых операциях – от 45% до 70%. При возникновении шока эти деньги бегут из страны. После чего следует обрушение рубля, как это было, например, в 1998, 2008-2009 и 2014 гг.

Есть несколько вариантов действий, позволяющих преодолеть создавшуюся ситуацию. Переоцененный курс рубля является тормозом для экономического роста, и необходима его девальвация. Далее при стабилизации налогового бремени должны быть начаты структурные реформы – разгосударствление, приватизация, защита права собственности и т.п. При росте экономики такие реформы проходят легче. В этом состоят основные идеи «Столыпинского клуба».

Либеральная школа не прошла проверку практикой: экономические результаты политики подавления инфляции и прихода в точку стабильности, из которой должен начаться экономический рост, неудовлетворительны: освобождения и либерализации экономики не происходит, она задавлена, сохраняет теневой характер, из нее вымывается малый и средний бизнес. Инфляция в России всегда была прежде всего не монетарной, но подавляли ее монетарными методами, ограничивая кредит, а с ним – и финансовую систему. В результате – зависимость от нерезидентов, потому что в стране нет денег. При этом приходят не прямые инвестиции, а спекулятивные. Главным аргументом вывода денег в стабилизационный фонд был тот, что в России нет инвестиционных проектов, и эта аргументация сохраняется по сей день. Но такая ситуация – следствие жестких условий доступа к кредитованию.

Жива и идея мобилизационной экономики, ее огосударствления и планирования (на самом деле, сейчас во многом именно это и происходит в ВПК).

Наконец, вариант стабильности правил без учета их качественных и количественных характеристик вряд ли приведет к положительным результатам, поскольку российская экономика чрезмерно зарегулирована, и эти правила нуждаются в принципиальных изменениях.

Необходимо попытаться отстроить политику экономического роста. Такая политика имеет много составляющих, она должна быть очень осторожна, что подтверждается большим международным опытом т.н. «экономических чудес». Инструментарий для этого прост, он прекрасно понимается экономическим и финансовым макроинженером. Этот инструментарий существует в российской экономике, но в настоящее время не используется.

Тормозом реформ является сверхконцентрация экономической и политической власти, и, как минимум в краткосрочной перспективе, скорее всего будет поддерживаться существующая экономическая политика. Это линия псевдостабильности, которая может быть нарушена шоком. Расширение участия государства не отрицается, но оно должно происходить для обеспечения экономического роста, а не для увеличения доли государственной собственности в экономике. Высокая ее доля имеет корни в реализованной модели приватизации, которая объективно закладывала основу для сверхконцентрации собственности и будущих ее переделов, возможности ее концентрации в дальнейшем в руках государства.

Одним из важных следствий сверхконцентрации власти и ее доминирования над собственностью является сложившаяся модель коллективного поведения, когда только 12–14% жителей страны готовы существовать более или менее самостоятельно, как

можно дальше дистанцируясь от государства. Все остальные в той или иной мере рассчитывают на государственные или большие корпоративные структуры. Однако при этом многие люди, участвующие в таких структурах, на самом деле не верят, что их защитят – у них сохраняется ощущение очень высоких рисков. Эта модель коллективного поведения отражается во властных, юридических и политических структурах, формируя нынешнюю модель экономики. Попытки создать большие венчурные фонды, генерирующие инновации, в этих условиях не работают.

Изменение модели коллективного поведения, даже имеющей многолетние традиции, возможно, и это подтверждается примерами некоторых стран, в которых случилось «экономическое чудо», например, в Южной Корее. Подобные примеры есть в Европе: в начале 1960-х гг. Испания смогла сломать модель коллективного поведения и стала демократической страной, достигшей экономических успехов, начало которым было положено авторитарным лидером (генерал Франко), создавшим правительство молодых технократов.

Способность воспринимать и заимствовать лучшие зарубежные образцы есть и в российском менталитете, и с этой точки зрения, ситуация не выглядит безнадежной. Для того, чтобы модель изменилась, с «коллективным человеком» в России надо работать. Но в представлении российских политиков это человек, нарушающий законы, выводящий деньги, превращающий рубли в валюту, а не человек творческий, занятый своей семьей, строящий бизнес на долгосрочную перспективу. Подозрительность по отношению к гражданам как субъектам экономической деятельности привела к построению уникальной регулятивной системы, в которой нормально жить нельзя.

Критическая масса людей, готовых действовать самостоятельно, может появиться, но среда должна быть другой: не та, в которой такие люди «пробиваются сквозь асфальт», а та, где они действуют в нормальных условиях конкуренции.

Население России в большинстве своем отрицательно относится к реформам, так как в прошедшие четверть века они ассоциируются в основном с тяготами, издержками и потерями. В странах, где произошло «экономическое чудо», реформы поддерживались населением потому, что они быстро приводили к улучшению экономического положения людей. Такие реформы направлены на приращение имущества среднего класса, высвобождение малого и среднего бизнеса. В таких случаях в политике начинают доминировать поощрительные меры, и идеология экономических акторов переориентируется с коротких горизонтов («схватить и убежать») на длинные («передать бизнес по наследству»). С этой точки зрения интересны попытки создать пилотную модель экономики роста в одном из регионов России, хотя здесь имеются объективные ограничения (например, невозможность изменить на региональном уровне федеральное законодательство).

Вложение возможно больших ресурсов в тренд развития свободной, открытой, социальной, рыночной экономики является шансом на то, что доминирующая система жестко отреагирует на следующий шок, если он случится.

Поддержка этого тренда предполагает в современных условиях государственное регулирование, в том числе и нерыночными методами. Современное российское государство должно трансформироваться в «государство развития», *development state*. Государственное регулирование необходимо для запуска механизмов экономического роста и либерализации.

Целесообразно использовать специальные механизмы рефинансирования, имеющиеся в арсенале Центрального банка России. Он может прокредитовать некий коммерческий банк под низкий процент для того, чтобы последний перекредитовал инвестора под низкий процент. Этот механизм используется для кредитования крупнейших компаний и может быть распространен на средние банки в регионах под портфели кредитов среднего и малого бизнеса или использован для финансирования

массовой жилищной ипотеки под низкий процент в регионах. Использование этого нерыночного механизма объективно приведет к тому, что запускается, например, программа массовой жилищной ипотеки под 4–5%, увеличивается имущество среднего класса, развивается средний и малый бизнес.

При снижении рисков в экономику вернутся деньги населения, которые есть в стране, но не находятся в ее банковской системе, а также те капиталы, которые вывезены из России. И, напротив, при сохранении существующей ситуации, эти деньги не могут рассматриваться как инвестиционный резерв. Но в принципе в стране сейчас нет проблемы с увеличением государственного заимствования, поскольку после дефолта обеспечен выход на уровень сверхбезопасности. Валютные резервы страны, вложенные в казначейские бумаги США, избыточны.

Реализация подобных идей – шанс на эволюцию общества, в котором велико недовольство населения своим социально-экономическим положением, уровнем доходов (за последние 3 года они сократились на 12-14%). В России основная часть населения, не занятая в добывающих отраслях и их обслуживании, не обеспечивающая безопасность страны, в современной структуре экономики, по сути, не требуется, они фактически брошены. Такая структура возможна в ОАЭ, но в нашей стране, где на 1/8 части суши проживают 146,5 млн. чел., это неприемлемо.

Нельзя не заметить, что в последнее время экономические власти пытаются решить возникшие проблемы за счет населения. Недоиндексация пенсий в 2016 г., отмена индексации пенсий работающим пенсионерам – решения этого ряда. В конечном счете это снижает общую величину платежеспособного спроса в экономике.

То же можно сказать и о предлагаемом новом подходе к формированию накопительной части пенсий – индивидуальному пенсионному капиталу. Российское ноу-хау – увязка индивидуальных отчислений в негосударственную пенсионную систему со ставкой НДФЛ. Но даже и при сохранении существующей системы государственная пенсия постепенно превращается в социальное пособие по достижению пенсионного возраста.

В социальном контексте важно, что все кризисы, пережитые Россией в новейшее время, были преодолены без больших социальных потрясений. Это объясняется двумя основными причинами. Во-первых, малоименные группы населения в кризисных условиях вынуждены прилагать все большие усилия для решения своих частных экономических проблем (с этим связан, например, рост теневой экономики). Во-вторых, существенно увеличились имущественные и финансовые активы значительной части домохозяйств, что является своеобразным якорем, гарантирующим социальную стабильность.

Социальная стабильность поддерживается также гарантированием сбережений населения, но это – преимущественно инфляционный механизм, поскольку Центральный банк России кредитует Агентство по страхованию вкладов за счет эмиссии под низкий процент (1-2% годовых).

В том случае, если случится следующий экономический шок, линии разлома могут пройти по регионам, которые сильно различаются по уровню жизни населения и в которые, кроме того, встроены конфессиональный, демографический и иные конфликты. Таким образом, вопрос перехода к экономической политике, характерной для *государства развития* – это ключевой вопрос сохранения социальной и политической стабильности и блокировки дезинтеграционных процессов в Российской Федерации.

Информация о Междисциплинарной группе ситуационного анализа ИНИОН РАН - <http://inion.ru/swot>